

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 76–84

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 76–84

<https://bonjour.sgu.ru>

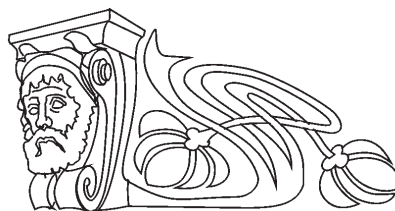
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-76-84>, EDN: LEUBQZ

Научная статья

УДК [821.161.1.09:2] | 1909 | +929[Гиппиус+Каблуков]

Письма З. Н. Гиппиус в дневниковом дискурсе С. П. Каблукова

Е. М. Криволапова

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, elena_vroblevska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3815-4286>

Аннотация. В статье анализируется переписка З. Н. Гиппиус с секретарем петербургского Религиозно-философского общества С. П. Каблуковым. Материалом для статьи послужили письма З. Н. Гиппиус за 1909 г., полученные Каблуковым и переписанные им в дневник. Поскольку папка с письмами З. Н. Гиппиус не сохранилась в архиве С. П. Каблукова, эти документальные свидетельства представляют несомненный интерес и позволяют составить представление о характере переписки Гиппиус с автором дневника. Тематика эпистолярного общения З. Н. Гиппиус и С. П. Каблукова разнообразна, но автор дневника заостряет внимание на вопросах религиозного свойства, поскольку по своим убеждениям он являлся православным христианином. В то же время Каблуков с пониманием относился к сторонникам «нового религиозного сознания» и часто оценивал происходящие события именно с их позиций. В письмах обсуждаются и литературные проблемы, рассказы З. Н. Гиппиус «Месса» и «Подслушанные слова». Письма З. Н. Гиппиус и С. П. Каблукова предоставляют возможность проникнуть в атмосферу эпохи начала XX в., выявить особенности религиозно-обновленческого движения, увидеть кризисное состояние исторической Церкви, а также оценить роль русской интеллигенции в попытках ее реформирования. Письма Гиппиус отличаются особой тональностью, побуждающей ее корреспондента к искренности. В них проявляются ее тонкий юмор, самоирония, сообщаемые тексту интонации доверительности, а также неподдельный интерес к людям, стремление понять отдельного человека, проникнуть в его душу. Таким образом, ее переписка с С. П. Каблуковым раскрывает новые грани личности «первой русской декадентки», позволяет составить представление о ее эпистолярных стратегиях.

Ключевые слова: письмо, дневник, документальные свидетельства, историческая Церковь, «новое религиозное сознание», эпистолярные стратегии

Для цитирования: Криволапова Е. М. Письма З. Н. Гиппиус в дневниковом дискурсе С. П. Каблукова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 76–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-76-84>, EDN: LEUBQZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Z. N. Gippius's letters in diary discourse of S. P. Kablukov

E. M. Krivolapova

Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russia

Elena M. Krivolapova, elena_vroblevska@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3815-4286>

Abstract. The article analyzes Z. N. Gippius's correspondence with the secretary of the St. Petersburg Religious and Philosophical Society S. P. Kablukov. The material for the article contains Z. N. Gippius's letters of 1909, received by Kablukov and rewritten by him in a diary. Since the folder with Z. N. Gippius's letters was not preserved in the S. P. Kablukov's archive, this documentary evidence is of apparent interest and allows us to get an idea of the nature of the correspondence between Gippius and the author of the diary. The subject range of Z. N. Gippius's and S. P. Kablukov's epistolary communication is diverse, but the diary author focuses on issues of religious nature, since he was an Orthodox Christian. At the same time, Kablukov was sympathetic to the supporters of a "new religious consciousness" and often assessed the current events precisely from their point of view. The letters also discuss literary problems, Z. N. Gippius's stories "Mass" and "Overheard Words". Z. N. Gippius's and S. P. Kablukov's letters provide an opportunity to penetrate the atmosphere of the era of the early 20th century, to identify features of the religious renovation movement, to see the crisis state of the historical Church, and also to assess the role of the Russian intelligentsia in the attempts to reform it. Gippius's letters are distinguished by a special tonality that encourages her correspondent to be sincere. They manifest her subtle humor, self-irony, imparting an intonation of trust to the text. Her letters feature a genuine interest in people, the desire to understand an individual person, to penetrate his soul. Thus, Z. N. Gippius's and S. P. Kablukov's

correspondence reveals new facets of the personality of the “first Russian decadent”, allows one to get an idea of her epistolary strategies.

Keywords: letter, diary, documentary evidence, historical Church, “new religious consciousness,” epistolary strategies

For citation: Krivolapova E. M. Z. N. Gippius's letters in diary discourse of S. P. Kablukov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 76–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-76-84>, EDN: LEUBQZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус широко и многообразно. Начиная с 50-х гг. XX в. и по сей день оно неизменно привлекает исследователей. Свидетельство тому – многочисленные публикации писем Гиппиус с комментариями ученых: Н. А. Богомолова, А. Л. Соболева, С. В. Сапожкова, М. М. Павловой, О. Р. Демидовой и др. [1–5].

В литературоведении прочно закрепилось мнение, что З. Н. Гиппиус наиболее полно и ярко реализовалась в качестве поэта и что именно поэзия является вершиной ее творчества. Но тем не менее еще современники поэтессы неоднократно замечали, что «при всей бесспорности Гиппиус-поэта <...> имеется еще жанр литературы, который, по мнению многих, в том числе поэтов и литературных критиков, является высшим достижением в многообразном и разнохарактерном творчестве Гиппиус. Это – ее эпистолярное творчество» [6, с. 670].

Высоко ценил письма З. Н. Гиппиус А. Л. Волынский. В своем очерке «Сильфида», написанном еще в 1923 г., он отмечал «несравненность» стиля ее писем: «чеканную» «простоту», «содержательность», «философическую серьезность», «способность к созерцательно-логическому мышлению» [7, с. 262]. Волынский говорил и о том, что письма Гиппиус будут очень ценным материалом для изучения атмосферы эпохи, «и когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни, в момент зарождения декадентства» [7, с. 262]. Подобного мнения придерживался и Г. Адамович, утверждая, что, если «эти бесчисленные письма будут собраны, разобраны и обнародованы в десятках томов, вклад в нашу словесность окажется бесценный, и панорама русской литературной жизни за полвека будет необычайно широка и ярка» [8].

Таким вкладом явились два тома «Эпистолярного наследия З. Н. Гиппиус», вышедшие в 2018 и 2021 гг. в серии «Литературное наследство» и включающие практически все ее известные письма начиная с 1890-х гг. и заканчивая периодом эмиграции [9, 10].

Стоит заметить, что и сама Зинаида Гиппиус относилась к своим письмам весьма серьезно. Об этом свидетельствует запись из ее раннего дневника: «Люблю свои письма, ценю их – и отсылаю, точно маленьких, беспомощных детей под холодные, непонимающие взоры. <...> Из самолюбия писем не пишу...» [11, с. 47–48].

Она не раз декларировала предельную искренность в своих письмах («Я никогда не лгу в письмах» [11, с. 47]), была щепетильна и в выборе адресатов: «...могу писать письма только к человеку, с которым чувствую телесную нить, мою» [11, с. 53].

Несмотря на то, что «письма Гиппиус давно уже осознаются как существенная часть истории культуры» [12, с. 91] и достаточно полно изучены, их корпус постоянно пополняется и исследуется. В литературный обиход постепенно входят автодокументы, которые в настоящее время являются достоянием частных коллекций. Так, например, в 2016 г. были опубликованы письма З. Н. Гиппиус к поэтессе Е. Л. Таубер – представительнице «незамеченного поколения» русской эмиграции [13]. Они позволили внести дополнения в литературный и поэтический облик «декадентской мадонны».

Еще одним ценным эпистолярным документом являются письма З. Н. Гиппиус к секретарю петербургского Религиозно-философского общества С. П. Каблукову, помещенные в его рукописном дневнике. Они не только предоставляют возможность проникнуть в атмосферу эпохи начала XX в., но также добавляют новые штрихи к портрету З. Н. Гиппиус.

Сергей Платонович Каблуков преподавал математику в реальных училищах и гимназиях Петербурга. Он был активным деятелем петербургского Религиозно-философского общества, его секретарем и председателем Христианской секции. Рукописный дневник Сергея Платоновича, который он вел с 1909 по 1919 г. (до самой смерти), широко известен в исследовательской среде. Дошедшие до потомков 49 тетрадей дневников представляют интерес не только для филологов, но и для исследователей других научных областей: истории, социологии, религиоведения, культурологии.

Прежде всего дневник С. П. Каблукова включает в себя внушительный документальный материал, который предоставляет возможность реконструировать процесс «поисков Бога» творческой интеллигенцией в социокультурном пространстве России начала XX в. Дневник позволяет выявить вектор духовной мысли русских писателей, философов, общественных деятелей, определивший их мировоззренческие установки, творческие потенции, художественно-эстетические предпочтения и религиозные ориентиры.

Но не менее важен и другой аспект дневника. В Религиозно-философском обществе С. П. Каблуков познакомился со многими известными деятелями литературы и искусства начала XX в. В круг его общения входили В. В. Розанов, Вяч. Иванов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, А. В. Карташёв.

Некоторые исследователи считают, что именно общение с этими людьми было более значимо для Каблукова, чем исполнение его секретарских обязанностей [14, с. 78].

Действительно, внимание автора дневника сосредоточено не только на информации о заседаниях Религиозно-философского общества, подробном анализе докладов выступающих, высказывании своей точки зрения. Значительную часть дневника составляют записи, передающие непосредственные впечатления Каблукова от встреч и общения с известными людьми своего времени. Он подробнейшим образом фиксирует беседы с В. В. Розановым, который являлся его близким другом на протяжении 1909 г., З. Н. Гиппиус, Вяч. Ивановым, А. В. Карташёвым, И. Е. Репиным, О. Э. Мандельштамом.

С З. Н. Гиппиус Каблуков познакомился в начале 1909 г., когда стал посещать заседания Религиозно-философского общества. Судя по записям в дневнике, он не только был знаком с ней, но и довольно часто общался. Например, запись от 5 апреля 1909 г.: «Вчера я был у Д. С. Мережковского на заседании Совета Рел<и>гиозно- Ф<и>лософ<с>кого Об<щ>ества. <...> До и после заседания я много говорил с Зинаидой Николаевной Гиппиус...» [15, с. 214].

Именно с подачи Гиппиус Каблукову было предложено звание секретаря Общества с сохранением должности секретаря Христианской секции, о чем он сообщает в дневнике 21 апреля и тут же добавляет значимую для него информацию о предстоящем «деловом свидании» с Зинаидой Николаевной: «Для

этого нам необходимо было сговориться, и она предложила мне вечер 23-го апреля в 9 ч., как время для делового свидания у нее на квартире. Я согласился» [15, с. 219].

В период, когда З. Гиппиус находилась за границей, их общение с Каблуковым переросло в активную переписку. Например, запись в дневнике от 4 мая: «З.Н. Гиппиус сказала мне, что она с мужем и Ф<и>лософовым>м едет в Южную Германию <...>. Просила меня писать ей и сама обещала писать мне» [15, с. 222].

Разумеется, Каблукову импонировало и даже льстило внимание такой знаменитой личности, известной писательницы, красивой и незаурядной женщины, какой была Зинаида Николаевна. По записям в дневнике можно увидеть, как дорожил он общением с Гиппиус, как ценил ее письма (каждое он нумеровал и помещал в отдельную папку). Так, 6 апреля 1910 г. Каблуков отмечает в дневнике, что очередное письмо, полученное от З. Н. Гиппиус, находится у него в «собрании писем» [16, с. 34].

К сожалению, папка с письмами Гиппиус не сохранилась, как и автографы ее книг, подаренных Каблукову. Но, тем не менее, составить представление о характере его переписки с Гиппиус возможно, поскольку отдельные письма Зинаиды Николаевны Каблуков копировал в свой дневник, руководствуясь критерием их значимости для себя. Менее важные, с его точки зрения, автор дневника пересказывал, иногда вставляя цитаты из того или иного письма. Он переносил в дневник и свои ответы Гиппиус, поэтому можно сказать, что их переписка имела двусторонний характер, что позволило составить представление о личности как адресата, так и автора. Разумеется, говорить о полной аутентичности писем З. Гиппиус, имеющих в дневнике Каблукова полностью или частично, невозможно, поскольку они всего лишь копии, сделанные автором, что не исключает их вероятного отступления от первоисточника. Но в дневниковом дискурсе Каблукова письма З. Гиппиус, несомненно, играют важную роль.

Одной из главных тем в его дневнике является тема религиозная, так как автор по своим религиозным убеждениям был православным христианином. Но в то же время, отдавая дань веяниям эпохи, Каблуков сближается со сторонниками «нового религиозного сознания», проникается их идеями, смотрит на общественно-политическую и религиозную ситуацию их

глазами, с воодушевлением слушает выступления Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova и всячески поддерживает их. Отношение Каблукова к оппонентам Церкви Третьего Завета крайне нетерпимое. Так, например, в дневниковой записи от 21 апреля 1909 г. он, комментируя заседание Религиозно-философского общества, останавливается на выступлении Д. С. Мережковского, доклад которого вызвал неоднозначную реакцию слушателей и сопровождался смехом. Каблуков не жалеет негативных эмоций в отношении тех, кто не принял идей докладчика, и даже называет их «дурнями». Между тем его, как православного человека, совершенно не смущает то обстоятельство, что Мережковский ставит знак равенства между понятиями «русская интеллигенция» и «русская революция» и провозглашает «здравствование» и тому, и другому [15, с. 219].

Тематика переписки С. П. Каблукова с З. Н. Гиппиус разнообразна. Но автор дневника заостряет внимание прежде всего на тех вопросах, которые были актуальны в религиозной сфере. В письмах он рассказывает Гиппиус о результатах монашеского съезда, о своем отношении к видным фигурам церковного движения: Санкт-Петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому), еп. Антонию Волинскому, еп. Михаилу (Семёнову), И. Брихничёву, В. Свенцицкому. Нужно отметить, что все эти темы представляли интерес и для Гиппиус, которая хотела создать «новую Церковь» и стремилась пополнить ряды своих единомышленников.

Первое письмо З. Гиппиус приводится Каблуковым в дневниковой записи от 8 мая: «Дорогой Сергей Платонович, нам не хотелось бы уезжать не повидав Вас еще раз. И мне было бы гораздо приятнее, если бы Вы смогли еще зайти к нам проститься без предотъездной суеты и вокзальной суеты. Итак, надеюсь, до свидания сегодня. Ваша З. Гиппиус» [15, с. 223].

Уже в этом письме чувствуется неприкрытый интерес Гиппиус к своему молодому корреспонденту (Каблукову на тот момент было 27 лет), уважительное отношение к нему и общение почти «на равных».

10 июня Каблуков помещает в дневнике свое письмо, отправленное Гиппиус 3 июня. Приведем его, поскольку оно позволяет реконструировать письмо Гиппиус, ранее присланное Каблукову, но не воспроизведенное им в дневнике. Обращает на себя внимание, что

отношение автора дневника к обсуждаемым вопросам вполне соответствует духу времени. Прежде всего, это резко отрицательное отношение ко всему, что связано с монархией. Именно с этих позиций Каблуков оценивает памятник Александру III работы П. Трубецкого, о котором рассказывает в письме к З. Н. Гиппиус: «В бронзовом “идоле” итальянствующего рюриковича, вызвавшем единогласное неодобрение Петербургских *bourgeois*, мне чудится нечто ироническое, странное соединение грубой и злой физической силы с пошлостью. Я думаю, что такое соединение действительно характерно для этого коронованного мясника, так любившего разные “истинно русские” вещи, напр<имер>, водку, Победоносцева и пр., о чем не стоит и вспоминать» [15, с. 233–234].

Другой актуальной проблемой начала XX в. являлась проблема любви и пола, отношения к браку, что также нашло отражение в переписке Гиппиус и Каблукова. В тексте письма, адресованного Зинаиде Николаевне (запись от 10 июня), автор дневника вполне в духе времени высказывает свое резко негативное отношение к браку. Он сообщает Гиппиус о своей намечающейся поездке в Териоки, где намеревается жить у «одной разведенной», поскольку это «вполне безопасно» для него, не приемлющего «брачного состояния», а шире – института брака вообще. Каблуков объясняет Гиппиус, что предпочитает «безбрачное состояние» «всякому брачному, как легальному, так даже и такому, которое ни к чему не обязывает» [15, с. 234]. Отрицание института брака напрямую связывается им с отрицанием существующей «синодальной Церкви», которая этот брак освящает. Именно поэтому Каблуков считает любовь между мужчиной и женщиной «частным делом». Вместе с тем автор дневника принижает роль женщины в умственном, интеллектуальном плане, считая ее предназначением лишь продолжение рода. Но в отношении З. Н. Гиппиус Каблуков придерживается иной точки зрения. Дневниковые записи убеждают, что она, по мнению Сергея Платоновича, во многом превосходит мужчин. Ее стихотворения, которые Каблуков часто переписывает в дневник, всегда «прекрасные» [15, с. 278], тогда как у Александра Блока стихотворения всего лишь «недурные»¹.

Но, пожалуй, самый важный вопрос, обсуждаемый в переписке, – это вопрос об отношении к православной обрядности. Он явился одним из

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 11. Л. 23.

источников разногласий между традиционной «синодальной» Церковью и либерально настроенной интеллигенцией. Стоит заметить, что отрицание обрядности было свойственно большей части русской интеллигенции, считавшей, что сама обрядность, как и существующая Церковь, безнадежно устарела на данный исторический момент. В этой связи особенно показательно мнение историка В. О. Ключевского, который был непосредственно связан с Церковью, поскольку многие годы проработал в Московской Духовной академии. Для него богослужение – это лишь «ряд плохо инсценированных и еще хуже исполняемых оперно-исторических воспоминаний» и «вокально-костюмированное представление» [17, с. 357].

Необходимо заметить, что, в отличие от своих старших товарищей, сторонников «нового религиозного сознания», Каблуков не только принимает православный обряд, но и любит его, так же как В. Розанов и А. Карташёв, которые на тот момент были близкими друзьями Каблукова. В записи от 18 мая Каблуков отмечает, что «сокровища, заключённые в славянском православном богослужении», «неисчерпаемы», «но чувствовать и оценить, полюбить их могут лишь немногие» [15, с. 227]. Здесь же он сетует, что «даже дорогие» ему «Мережковские чужды этого понимания и холодны к церковно-богослужебной эстетике» [15, с. 228].

Именно по этим причинам в письме Гиппиус Каблуков считает своим долгом если не оправдаться, то попытаться объяснить Зинаиде Николаевне свою любовь к православному богослужению. По убеждению Каблукова, она никак не связана с его отношением к официальной Церкви, которую ни он, ни Гиппиус не принимали: «Может быть, Вам покажется странным, что я думал вступить в молитвенное общение с Синодальной с позволения сказать Церковью? В объяснение этого благословите сказать несколько слов. <...> Я люблю православное богослужение и не могу жить без него. Я живу от праздника до праздника, сменой их, сменой различных богослужебных периодов» [15, с. 234].

При всем своем пиетете к Гиппиус Каблуков не боится прямо высказывать отрицательное отношение к тем, кто не принимают православной обрядности и осуждают ее, – по сути дела, к самой Гиппиус, Д. С. Мережковскому и их единомышленникам. Тон Каблукова в этой

части письма весьма резок: «Обычное, светское, “интеллигентское” отношение к храму, богослужению и праздникам, проистекающее в 99 из 100 случаев из невежества, незнания славянского языка и отсутствия эстетической чуткости или крайней ограниченности эстетического восприятия, которому недоступно всё, лежащее вне области “Афродиты вульгарной”, мне глубоко противно. <...> “Стихиры Пасхи”, так любимые нашим деревенщиной-простолудином, и по содержанию, и по музыке (напеву) суть совершенные творения искусства» [15, с. 234–235].

Стоит заметить, что против обрядности выступали не только «интеллигенты», но и люди «церковного звания», как, например, еп. Михаил (Семёнов) – один из лидеров церковного обновления, сторонник радикальных преобразований Церкви. Он практически вменяет в вину С. Каблукову и А. Карташёву их любовь к православному обряду, считая это чуть ли не «тяжким предательством» по отношению к общему делу – созданию «новой церковной общины». Защищать «сокровища вселенской Церкви» и любить ее «внешнюю красоту» – значит, по мнению еп. Михаила, «быть идолопоклонником, фетишистом» этой «внешней красоты» и – самое страшное – «остаться “там”», в старой Церкви [15, с. 282].

В письме Каблукова к Гиппиус нашлось место и для проблем литературного плана, хотя они тоже связываются с проблемами религиозного культа, с существом самой православной веры. Анализируя два ранних рассказа З. Н. Гиппиус «Месса» и «Подслушанные слова», Каблуков не менее резко, чем в первой части письма, где речь шла об отношении к православной обрядности, отзываясь о них. Он как бы забывает о высоком статусе писательницы и полемизирует с ней на равных:

«В рассказе “Месса” <...> “девушка” <...>, испытывая “золотые волны” мужских ласк в течение 40 минут, говорит, что те же “золотые волны” будут укачивать её и во время заупокойного богослужения по этому “любовнике на час”. Я думаю, что такие мысли – ужасны, несмотря на то, что у римских христиан нет церковной музыки и что женская католическая религиозность имеет в себе ненормальный эротический элемент. Наше богослужение не питает таких настроений ни единым словом, ни единой нотой <...>. Оно небесно, оно низводит небо на землю. Я не знаю, как относитесь Вы к тем

формам, в какие облечено сейчас наше богослужение, но Ваш рассказ “Подслушанные слова” является для меня плохим предзнаменованием» [15, с. 235].

Судя по обстоятельному ответу З. Н. Гиппиус, письмо показалось ей весьма интересным и значимым. Она как будто не замечает резкого тона своего корреспондента, пропускает «обидные слова» в свою сторону и сторону своих единомышленников: «невежество», «незнание славянского языка», «отсутствие эстетической чуткости», «ограниченность эстетического восприятия», «противно» и т.д. Наоборот, Зинаида Николаевна мягко, по-дружески, с пониманием и легким юмором объясняет Каблукову свою позицию. Ей важно переубедить его, не оттолкнув от себя, внушить ему те взгляды, которые были характерны для сторонников «нового религиозного сознания», и тем самым перетянуть его на свою сторону.

Все это иллюстрирует следующее письмо Гиппиус, скопированное Каблуковым в дневник. Запись от 13 июня: «Дорогой С. П. Спасибо за письмо, которому я вполне сочувствую... многому, многому в нем, по крайней мере. <...>

Что касается до Вашей влюбленности в православный культ, то, пожалуй, тут столько чистой эстетики у вас <...>, что ничему это повредить не может; нужно только в сознании своём отделять эстетику от религии. И давать первой место подчинённое. Карташёв тоже полон православной эстетикой <...> Лишь бы она только глаза не туманила, когда нужна бывает особенная их ясность» [15, с. 236–237].

Зинаида Николаевна для большей убедительности обращается к воспоминаниям своего детства, которое было «окрашено очень яркими цветами православного культа», однако не повлиявшего на ее теперешние убеждения: «Я ещё помню, как мы с двоюродным братом служили всякие молебны, да и обедни. В то время я знала все “гласы”, все “херувимские” и “Отче Наш” всех напевов. И вспоминаю о былых временах с большой благодарностью судьбе. Вы не справедливы к католичеству: если уж становиться на эстетическую почву – то оно прекрасно, широко и откровенно» [15, с. 236–237].

Гиппиус считает нужным «оправдаться» и за свои «неподобающие» религиозному человеку рассказы, но ее «оправдание» в контексте разговора о церковной обрядности звучит несколько кокетливо: «Пожалуйста, не напоминайте мне о “Мессе”. Это была скверная шутка. Мы

как-то спорили, что я не сумею написать рассказ в Мопассановском духе. Я шутя написала, да ещё по-французски, целых два. Один так и остался непереведённым, а этот выпросил Брюсов, да и то я не давала, – виноват Дм<итрий> Серг<еевич>. Я даже не перепечатала “Мессу” в книжке, а вы её всё ещё помните!» [15, с. 236].

Дискуссия по поводу значения православного культа продолжается и в следующих письмах. Каждый из корреспондентов отстаивает свою точку зрения, пытаясь аргументировать ее в соответствии со своими убеждениями. Это лишний раз свидетельствует о том, как важны и актуальны для русской интеллигенции были обсуждаемые вопросы.

Приведем выдержки из следующих писем Гиппиус. Запись в дневнике от 2 июля: «Дорогой С<ергей> П<латонович>. <...> В вашем письме мне не ясно, ясно ли Вам самому, чего вы хотите? И что для вас впереди, религия или культ? Ведь второй от первой, а не наоборот» [15, с. 242].

В ответном письме Зинаиде Николаевне Каблуков пытается прояснить свою позицию. Он говорит о том, что для него – и это «совершенно ясно» – религия занимает главное место, а обряд «подчиненное». Доказательством является тот факт, что он общается не с «Синодальной Церковью», а с нею, что пишет не статьи в официозные церковные журналы, а это письмо ей. Он считает, что обряды, которые связаны с самодержавием, – «ложные» и «злые» в религиозном смысле, другие же, «о божестве Христа, воскресении мертвых», являются «истинными», поэтому он не может отказаться «от их символов – обрядов» [15, с. 247].

Реконструируя письма Каблукова и Гиппиус, представленные в дневнике, мы узнаем, что предметом их переписки были не только религиозные вопросы. Во многих письмах речь идет о В. В. Розанове, с которым Каблуков близко общался на протяжении всего 1909 г. Помимо этого, из письма Гиппиус, переписанного Каблуковым, становится известно, что с ней он делился своими сокровенными мыслями, как с близким другом, что было нехарактерно для Каблукова, человека весьма закрытого. Не случайно свои письма Зинаиде Николаевне, где содержатся его «откровения», он не воспроизводит в дневнике, а копирует только ее ответы на них.

Например, ответ Гиппиус, помещенный 14 августа: «Отчего это умер ваш друг? <...>

Вполне понимаю вашу печаль. Все в жизни переносимо и победимо, вот только смерть одна... Только она...» [15, с. 265].

В своих словах Гиппиус предельно искренна, поскольку категория смерти – одна из важнейших в ее метафизической философии. Альтернативу «неизвестной» – так она называла смерть – Гиппиус искала на протяжении всей жизни, что нашло отражение во всем ее творчестве. Вот почему ей так важно поддержать Каблукова. Гиппиус делится в письме своими планами «написать роман или большую повесть» и заканчивает его теплыми словами: «Не забывайте меня. Я с удовольствием думаю о вас и о том, что, м<ожет> б<ыть>, эту зиму мы с вами чаще будем видеться» [15, с. 266].

Так, из письма Зинаиды Николаевны выясняется, что Каблуков сообщил ей о смерти своего близкого друга С. В. Смоленского. Насколько потрясла Каблукова его неожиданная кончина, мы узнаем тоже из ответного письма Гиппиус, в котором она поддерживает Сергея Платоновича и, стараясь отвлечь от тяжелых мыслей, интересуется его профессиональной деятельностью.

Но в конце письма Зинаиды Николаевны речь вдруг заходит о вопросах «онтологического» плана: «Скажите вот еще что: (меня это очень удивило!) отчего вам кажется, что вы скоро умрёте? Отчего? Ваша З. Гиппиус» [15, с. 267–268].

Проблема жизни и смерти всегда была для Гиппиус одной из самых важных и болезненных и волновала ее всю жизнь. Поэтому Зинаида Николаевна с максимальной степенью искренности и открытости старается поддержать Каблукова. Ее письмо доброе, сердечное, даже трогательное. А признания в «несовершенстве» своей веры и сомнения в существовании «лучшей обители» – это продолжение размышлений Гиппиус о Боге, мере Его любви к человеку, о богооставленности, которые выразились как в ее поэтическом творчестве, так и в критических статьях. Современники неоднократно упрекали Гиппиус в отсутствии «истинной» веры, поэтому ей так важно было поделиться своими мыслями с тем человеком, который, в отличие от нее самой, обладал «крепкой верой».

1 сентября Каблуков воспроизводит в дневнике письмо Зинаиды Николаевны: «Милый Сергей Платонович. <...> Ваши ощущения вполне близки мне и понятны. Я завидую вашей крепкой вере. Если бы я, как вы, всегда

могла быть уверена, что не исчезну со смертью в небытие, то смерть, моя, не пугала бы меня. Никакие вечные муки <...> не страшны так, как небытие. Между тем, мысль: “а вдруг за гранью агонии – ничего?” не может порою не приходить к человеку, не обладающему совершенством веры.

Впрочем, если даже вы и верите, нужно *желать* жить как можно дольше. Как, *веря*, не верить, что мы здесь должны заслужить себе тамошнюю лучшую обитель. <...>

О нашем О<бществе>ве будем с вами, по приезду, много и долго беседовать и совещаться. Именно с вами. <...> И *желайте* жить – это важно. Ваша Зин. Гиппиус» [15, с. 272].

Переписка Каблукова и Гиппиус продлится до середины сентября: 21-го Мережковские вернутся в Россию. Она продолжится и в последующие годы. Каблуков по-прежнему будет фиксировать в дневнике все, что касается З. Н. Гиппиус: разговоры с ней – при личном общении и по телефону, информацию о выходе ее сборников стихотворений, свои впечатления о них; он пишет о книгах, присланных ему Зинаидой Николаевной, о ее поездках и самочувствии. Так, 24 июня 1911 г. Каблуков делает следующую запись: «Письмо Философова из Веребья: Гиппиус болеет, плохо ест, деревенская жизнь не для неё, “заграничная штучка”, долго здесь не высидит»².

Ее письма по-прежнему дороги Каблукову, о чем свидетельствует запись от 23 марта 1910 г.: «Сегодня великолепная погода, много солнца и тепла. Я радуюсь празднику и полученному вчера письму от Зин. Н. Гиппиус. Сегодня надо на него ответить всенепременно»³. Тем не менее письма Гиппиус Каблуков уже не переписывает в дневник, а просто вкладывает в него. Возможно, по этой причине они не сохранились.

Подводя итоги, можно сказать, что письма З. Н. Гиппиус и С. П. Каблукова, представленные в его дневнике, позволяют выявить особенности религиозно-обновленческого движения начала XX в., которое было вызвано кризисным состоянием как всего русского общества, так и одного из его институтов – Православной церкви, реформировать которую пыталась русская интеллигенция, в частности, сторонники «нового религиозного сознания» в лице З. Н. Гиппиус и ее единомышленников.

² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 15. Л. 71

³ Там же. Ед. хр. 9. Л. 42.

Помимо этого, переписка З. Н. Гиппиус и С. П. Каблукова открывает новые грани личности как «первой русской декадентки», так и автора дневника. С. П. Каблуков предстает человеком глубоко верующим, но мятущимся. Он остро переживает все социальные катаклизмы предреволюционного времени и, захваченный его атмосферой, считает своим долгом быть рядом со «всеми, потерявшими веру и мощь христианства»⁴, способствовать созиданию «новой Церкви», поскольку «старая», связанная с самодержавной властью, дискредитировала себя. Не случайно на страницах дневника Каблуков помещает текст «Воззвания к Церкви», написанный Д. С. Мережковским «в то время, когда самодержавное правительство не выполнило обещаний, данных манифестом 17 окт. 1905 г.»⁵.

Но вместе с тем, в отличие от своих единомышленников, Каблуков не приемлет радикальных методов в вопросах реформирования исторической Церкви. Он не готов полностью отказаться от ее традиционных ценностей, например обрядности, и полностью уйти от «старой» Церкви к «новой», «пролетарской», к чему призывают его сторонники «нового религиозного сознания». Их позиция не кажется Каблукову убедительной еще и потому, что напоминает взгляды «социал-революционеров», о чем свидетельствует запись в дневнике от 26 сентября 1909 г.: «Странное представление Зин<аиды> Н<иколаевны> нашей “общины” как христианской партии “с<оциал>-р<еволюционеров>» [15, с. 278].

В переписке с Зинаидой Гиппиус Каблуков раскрывается как человек одинокий, со сложным характером, внутренне закрытый, но принципиальный и честный, твердо отстаивающий свою позицию.

В письмах к автору дневника проявляются многие достоинства личности Зинаиды Николаевны. Прежде всего, она наблюдательный, искренний собеседник, тонкий психолог, умеющий расположить к себе интересующего ее человека. Ее письма содержат неподдельный интерес к людям, стремление понять отдельного человека, проникнуть в его душу, что соответствует ее установке «чужое сердце видеть, как свое». З. Н. Гиппиус создает в письмах особую атмосферу, побуждающую ее

корреспондентов к искренности, стремлению поведать сокровенное – то, что трудно бывает сказать при общении. В письмах к Каблукову проявляются ее тонкий юмор, самоирония, придающие тексту оттенок доверительности. И при всем этом Гиппиус не забывает о своей роли наставника – «классной дамы», по выражению Г. Адамовича, с которым она переписывалась почти два десятка лет. В одном из своих писем к нему, от 4 января 1932 г., З. Гиппиус заметила: «Со мной, дорогой Георгий Викторович, вы всегда, конечно, можете рассчитывать на ответ: и деловой, и литературный, и метафизический, и человеческий, – по силе возможности» [18, с. 413]. Именно такие «ответы» Гиппиус содержатся и в письмах к Каблукову, которые были написаны ею гораздо раньше, чем письма к Г. Адамовичу, – в 1909 г. Это позволяет говорить о том, что эпистолярные стратегии З. Н. Гиппиус остались неизменными на протяжении многих лет.

Список литературы

1. Богомолов Н. А. Письма З. Н. Гиппиус к А. И. Тютчеву // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 41–82. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2016-1-2-41-82>, EDN: XFNMLR
2. Соболев А. Л. Переписка З. Н. Гиппиус с Ф. А. Червинским // Литературный факт. 2021. № 1. С. 61–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>, EDN: RAFJKE
3. Сапожков С. В. Переписка З. Н. Гиппиус с П. И. Вейнбергом // Литературный факт. 2017. № 3. С. 66–111. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-66-111>, EDN: XFOSEN
4. Павлова М. М. Письма В. П. Свенцицкого к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус // Русская литература. 2023. № 2. С. 191–205. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2023-2-191-205>, EDN: ANVYWL
5. Демидова О. Р. Георгий Адамович – Зинаида Гиппиус: философский диалог в письмах // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 106–117. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_106, EDN: PHMIFS
6. Вишняк М. З. Н. Гиппиус в письмах // З. Н. Гиппиус: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Николюкина. СПб. : РХГА, 2008. С. 669–696. (Русский путь).
7. Волынский А. Л. Русские женщины. Сильфида // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М. ; СПб. : Atheneum ; Феникс, 1995. С. 260–265.
8. Адамович Г. Письма Зинаиды Гиппиус // Новое русское слово. 1951. № 14150. 21 янв. С. 8.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 11. Л. 13.

⁵ Там же. Ед. хр. 10. Л. 97.

9. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус : в 2 кн. / сост. Н. А. Богомолов, М. М. Павлова ; отв. ред. О. Коростылев. М. : ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 1. 896 с. (Литературное наследство. Т. 106).
10. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус : в 2 кн. / сост. Н. А. Богомолов, М. М. Павлова, отв. ред. О. Коростылев. М. : ИМЛИ РАН, 2021. Кн. 2. 944 с. (Литературное наследство. Т. 106).
11. Гиппиус З. Н. Дневник любовных историй (1893–1904) // Гиппиус З. Н. Дневники : в 2 кн. / под общ. ред. А. Н. Николукина. М. : НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 35–88.
12. Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / публ. Н. А. Богомолова // Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века. От fin de siecle до Вознесенского. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 91–122.
13. Письма к Е. Таубер З. Гиппиус, Г. Кузнецовой, Б. Зайцева, Н. Берберовой / публ. и коммент. Е. М. Криволаповой // Русский мир: пространство и время русской культуры : альманах / гл. ред. Д. А. Ивашинцов. Вып. 10. СПб. : Русская культура, 2016. С. 148–174.
14. Морозов А. А. Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 77–85.
15. Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909 / вступ. ст., публ. и коммент. Е. М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 178–342. EDN: PCCWBH
16. Криволапова Е. М. Образ З. Н. Гиппиус на страницах дневника С. П. Каблукова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 3. Т. 1. Филология. С. 31–40. EDN: PJBSSN
17. Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 9. М. : Мысль, 1990. С. 267–362.
18. Gippius Z. N. Intellect and ideas in action: Selected correspondence of Zinaida Hippus / Comp. for the first time, ed., annot., a. with an introd. a. ind. [by] Temira Pachmuss. München : Fink, 1972. 784 p.

Поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024;
принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 08.09.2024; approved after reviewing 01.10.2024;
accepted for publication 14.11.2024; published 28.02.2025